

8 января солисту Большого театра, народному артисту СССР, лауреату Ленинской премии **Е. Нестеренко** исполняется 50 лет.

— Вам известно ваше расписание хотя бы на начало этого года?

— Известно, и на начало, и на весь 1988-й, 1989-й, 1990-й (*смеется*)... Петь буду! 8 января мой творческий вечер в ГАБТе, 10-го — концерт в Колонном зале, 12-го в ЦДРИ выступаю со своими консерваторскими учениками, 13—16-го — концерты в мюнхенском «Принц-регент театре» (сбор звезд мировой оперы, каждый исполняет одну арию, у меня — сцена смерти Бориса Годунова, с хором), 19-го в Большом пою в «Дон Карлосе»...

— Выходит, юбилей не юбилей, вы все равно на сцене?

— Лучше, чем застолье.

— Евгений Евгеньевич, какой голос у вас был в детстве?

— Альт. Но я всегда тяготел к низким нотам. Трудно было петь в школьном хоре, все брали выше, чем хотелось мне. Однажды, классе в девятом, одноклассник хорист вдруг толкнул меня локтем: «Женька, ты чего басом поешь?!» Дома слушал пластинки Шаляпина, Гмари, проникался их вокалом и мечтал... Но — стеснялся выходить со своим басом на публику.

— И пошли на флот. (*Разговор происходит у Евгения Евгеньевича дома; рассматриваем его детские и юношеские фотографии, на одной из них Нестеренко — в бескозырке и форменке с воротником «гюйсом»*). Какой бравый моряк!

— Курсант военно-морского факультета Ленинградского инженерно-строительного института (был в 50-е годы такой факультет)... Послушал меня хормейстер, руководивший в институте самодеятельностью, отвел к командиру и сказал: «Товарищ капитан второго ранга, этому курсанту здесь не место!» «А что он натворил?» — спросил капитан. «Пока ничего, но ему на роду написано петь, а не строить причальные стенки и форты».

Между прочим, в нашем ЛИСИ учился Сергей Эйзенштейн... На весь Питер славились БЭКСИ — «большие эстрадные концерты строительного института». Моей сокурсницей была Лидия Клемент (помните, чудесная певица: «Долго будет Карелия снится...»), вообще из ЛИСИ вышло немало артистов.

— Лучше бы все-таки строителей...

— Конечно, строителей — больше! Оканчивал я факультет промышленного и гражданского строительства, год был прорабом СУ-41 в 36-м стройтресте Ленсовнархоза. И занимался в хоре Ленинградского университета у Марии Михайловны Матвеевой. Затем поступил в консерваторию, в класс профессора Василия Михайловича Луканина. Вот мой учитель.

— Что построили как прораб?

— Ничего эпохального не возвел. Несколько жилых домов в Ленинграде, детский сад в Сосновой поляне... От осталь-

негедис 1988
н/з/зав,

Евгений Евгеньевич, бис!

ных учащихся консерватории отличался прежде всего ярко-красными щеками и руками: весь день — на стройке, под солнцем или на морозе. Эта работа была мне по душе, но Луканин сказал, что дальше раздвигаться нельзя, нужно переходить с заочного отделения консерватории на дневное. Все, что я могу и умею как певец, это школа Луканина. Великий педагог! Он и солист был прекрасный; Шаляпин пел Бориса, а Василий Михайлович в том же спектакле — Пимена.

— Надо отметить, вы — благодарный

ученик. Свою новую книгу «Размышления о профессии» начали посвящением Матвеевой и Луканину. Не в порядке комплимента, а от всей души: книга интереснейшая, живая. Прочел, не отрываясь.

— Спасибо. Это не литературная записка, сам писал.

— Из нее следует, что профессия певца не легче строительной, не так ли?

— Со строительной давайте не сравнивать, лучше сопоставим певцов и музыкантов-инструменталистов. Наденьте-ка на скрипача или гобоиста «толщинки», ват-

ный «живот», затем парчовую шубу, наложите мощный грим, приклейте ему бороду и усы, нахлобучьте на голову тяжелую шапку, и пусть так походит да побегаёт по сцене, постоит на сквознячке, упадет согласно роли на пол или перегнется через перила и при этом играет чисто, в ансамбле с партнерами... Оперным артистам приходится играть именно так! Старый оперный анекдот: режиссер ругает солиста, у которого не получается любовная сцена: «Вы что, в жизни не оказывались в подобной ситуации?» Солист отвечает: «Оказывался, но мне при этом не нужно было петь!»

— Известно, что вам доводилось петь — Бориса! — с серьезной травмой...

— Спектакль было невозможно отменить, его снимали для Интервидения, а я накануне во время репетиции в сцене смерти Бориса упал на вытянутую руку. Рентген показал: трещина в плечевой кости. Не могу держать скриптер, не могу схватить Шуйского... Пробовали новоявленную блокаду, но от нее язык деревенеет. А петь-то надо! Эфиром поливали руку и плечо, и все равно боль была жуткая.

— Наверно, после такого спектакля, и после любого, трудно прийти в себя?

— Когда шпагой «протыкают», то еще ничего, а вот после смерти Бориса... Борис ведь умер от грудной жабы, то есть от стенокардии; когда совершаешь это на сцене, стараешься приблизиться к ощущениям Бориса — в самом деле мучительно. И потом ночь без сна, наутро не можешь найти себе место. Но это, поверьте, самое счастливое состояние! Эта опустошенность необходима, она — естественное продолжение творческого процесса: значит, отдал себя без остатка. Если не чувствую опустошенности, значит, зритель что-то от меня «недополучил», хотя, быть может, он этого и не заметил.

— Евгений Евгеньевич, у вас такой обширный репертуар, всемирное признание (западная пресса называет вас лучшим

басом мира, я видел рецензии). Так что же дальше — не к чему стремиться?

— Как это «не к чему»? Существуют партии, которые никогда не исполнялись нашими певцами. Я стремлюсь их освоить и передать ученикам. Уже спел, например, Генриха VIII в «Анне Болейн» Доницетти, «Осуждение Фауста» Берлиоза, «Моисей» Россини в «Ла Скала» (ставили специально для меня), «Аттилу» Верди... «Синюю бороду» Бартока пел в Будапеште по-венгерски, Водяного в «Русалке» Дворжака — в Праге по-чешски. Выучил французский текст роли Мефистофеля в «Фаусте» Гуно, итальянский — Филиппа в «Дон Карлосе», дона Базилио в «Севильском цирюльнике»... Нет, не наступает в творчестве момент, когда можно сказать себе: всё, вершина, больше стремиться не к чему. Тут возможен лишь один математический знак: бесконечности.

— Каков для вас идеальный ученик?

— Беспощадный к себе во имя профессии. Без какого-либо самолюбования. Доверяющий мне, но способный не соглашаться. Выбираю учеников придирчиво. Они меня редко огорчают (хотя иной раз и слышат мое: «Я же вам голос вставил, я об вас руки ободрал, а вы...»).

— Как воспринимаете 50-летие?

— Оно меня не тревожит. Я не стал старым. Хотя уже старше Мусоргского и скоро буду старше Бориса Годунова... Но мысль — сколько еще не сделано, не узвано, не увидено — не дает покоя. Юбилей не радует и не печалит, но он заставляет чуть-чуть спешить...

— Тем не менее «Неделя» поздравляет вас, желает новых творческих побед и надеется в будущем увидеть в гостях на 13-й странице.

— Благодарю за все. Мы с «Неделей» друзья.

Интервью взял
Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Фото В. Ахломова.